

Родилась **Евдокия Яковлевна Суханова** в крестьянской семье села Сенцовка Оренбургской губернии 01 марта 1820 года. Воспитана была своими родителями в страхе Божиим и вере православной. Кроткая и молчаливая, молитвенно настроенная, она отличалась от сверстников младенческим незлобием, отрешенностью от мирской суеты, трудолюбием. Шли годы, ей прочили замужество, но девица решительно отказывалась от вступления в брак. Тогда отец выпорол ее плетью, и послушная дочь вышла замуж за небогатого и богобоязненного парня. О семейной жизни ее известно немного. Мужа, говорят, убили на русско-турецкой войне, а единственный сын погиб нелепо на охоте. Ставшая вдовой жена ее погибшего сына позже стала келейницей преподобной Зосимы и не покинула ее до самой смерти. Когда точно Евдокия приняла постриг в мантию с именем Евникия (греч. «благопобедная») нам не известно, возможно, это было в середине или во второй половине 90-х годов XIX века. Свой иноческий путь она начала в Еннатском Покровском монастыре, расположенном на территории Стерлитамакского кантона входившего в состав Уфимской епархии, ныне это Федоровский район Башкирии. Обитель

находится недалеко от ныне существующих села Дедова и деревни Новомихайловки. Этот женский монастырь образован инициативой храмоздателей, местных помещиков Эннатских. Святейший Синод дал официальное утверждение 30 сентября 1893 года об учреждении при селе Прасковьине Стерлитамакского уезда Дедовской волости женской общины в честь Покрова Пресвятой Богородицы.

Первый деревянный храм появился в обители довольно скоро — 29 июня 1894 года. Он был освящён епископом Уфимским и Мензелинским Дионисием Хитровым (на Уфимской кафедре был с 12 декабря 1883 года по 8 сентября 1896 года) в память Святителя Николая Чудотворца (по другим данным в честь Покрова Божией Матери). Источники по истории монастыря и села Прасковьина (с кирпичной Параскевинской церковью, построенной в 1860-1861 гг. также помещиками Эннатскими) крайне скудны и противоречивы.

В феврале 1898 года община была обращена в женский общежительный монастырь, торжественно открытый в первых числах сентября этого же года епископом Иустином Полянским (на Уфимской кафедре был с 14

октября 1896 года по 14 июля 1900 года). В 1900 – 1904 гг. стараниями помещиков Эннатских при монастыре началось строительство огромного кирпичного Покровского храма. Конец его строительства относится к началу 10-х годов XX века. В 1912 — 1917 гг. настоятельницей монастыря являлась игуменья Антонина, его последней игуменьей была преподобная Зосима.

Примерно в двух километрах в двух от обители она ископала источник, от которого болящие стали получать исцеление. Вблизи источника позже был устроен скит с часовней в честь Пресвятой Троицы и пчельником.

Когда наступило время всеобщего гонения на Церковь, приблизительно в 1919 году, матушка Евникия приняла великую схиму с именем Зосима (греч. «жизненная»). Постриг совершил епископ Уфимский и Мензелиновский Андрей Ухтомский (на Уфимской кафедре был с 22 декабря 1913 года по 1920 год). С принятием схимы она уже до конца дней своих спала в кипарисовом гробу, привезенном ею некогда в 1912 году из Иерусалима. По свидетельствам, она как минимум дважды бывала в Иерусалиме, проходя пешком к нему через территорию Турции. При этом там, по рассказу преподобной,

во время одного из паломничеств, когда она шла по одной из улиц святого города, ее маленькую и сухонькую старушку вдруг подхватил на руки какой-то юродивый огромного роста в одной только повязке на бедрах и воскликнул:

«Зосимия, Зосимия, Зосимия! Тебя в схиму будет постригать Андрюша Уфимский, князь Ухтомский!

В 1920 году Покрово-Еннатский монастырь преобразовали в трудовую коммуну, а в 1923 году его совсем закрыли, разогнав насельниц.

По воспоминаниям схиархимандрита Серафима Томина из подворья Андреевского монастыря в Оренбурге: «Когда монастырь закрыли, сотрудники ГПУ прямо в гробу и повезли ее по селам. Везут, начальник ГПУ ругается: «Такая-сякая! Возись еще с ней!» А она ему и говорит: «Что ты меня ругаешь, я в гробу лежу, никуда не денусь. А ты, сынок, беги скорее домой. Сейчас твоя жена пошла за водой с коромыслом, упала и умерла!». Он ей со злобою в ответ: «Ты что городишь, я только вот пришел из дома, ничего там не случилось!». Однако его товарищ настоял: «Да, ты все-таки сбегай, посмотри!». И действительно, жена как несла воду, так и упала на пороге, лежит бездыханная в луже рядом ведрами».

После закрытия монастыря матушка поселилась в селе Ново-Архангеловка (село Дема) на территории нынешней Оренбургской области в маленьком домике, построенном во дворе у одного благочестивого семейства. Однако местные власти, недовольные ее «странным» поведением и стечением к ней большого количества страждущих, постоянно тайно перевозили матушку Зосиму с ее кипарисовым гробом в разные деревни. Окончила своей земной путь в селе Сенцовка Шарлыкского района (ныне Октябрьский район), расположенного на территории Оренбургской области.

В лихие времена советской власти Господь даровал матушке Зосиме дары прозорливости и исцеления. Наверное, ни в одну больницу столько не везли больных, как к ней. Ночью она молилась, днем к ней текли вереницы людей не только из Оренбургской области, но и из соседних регионов.

Она исцеляла людей от различных болезней, по ее молитвам из людей выходили бесы. К ней обращались за помощью даже с больной скотиной, и она не отказывала – корова или лошадь в те времена были драгоценными

кормилицами, и их потеря вводила семью в бедственное положение.

Открыто ей было и настоящее, и прошлое. Причем ведомы были события, поступки, мысли людей, с какими шли к ней. Провидела будущее и помогала всем, кто к ней обращался.

По свидетельству ныне покойного бывшего секретаря Самарского Епархиального управления Андрея Андреевича Савина, во времена гонения на Церковь, когда рушился весь уклад жизни, его дядя пошел к матушке Зосиме за советом. Увидев его, старица обратилась к нему по имени:

— Аким, зачем ты ко мне пришел?

— Как жить и спастись нам, матушка?

Она ответила:

— Разве мы спасемся? Купим акафист и положим за сундук, не прочитав.

Дала наставление, и он ушел. В скором времени верные люди посоветовали ему уехать, ибо он был в списке на раскулачивание за его веру во Христа. Распродав имущество, ночью они быстро стали загружать оставшийся скарб на подводу. Когда отодвинули сундук, нашли за ним акафист, и дядя понял, что матушка,

говоря об акафисте, имела в виду не себя, а его. Он же, уходя от старицы, в душе осудил ее.

Упомянутый схиархимандрит Серафим Томин вспоминал: «Я родился в 1923 году в бедной крестьянской семье в селе Бараково Шарлыкского района Оренбургской области. Был первым сыном своих родителей — Константина Леонтьевича и Александры Григорьевны Томиных. Мама заболела грудницей и не смогла кормить меня грудью. Кормили искусственно — был такой специальный рожок, через него давали молоко и каши. Не брал грудь и у других кормилиц, плакал и выплевывал. Когда прорезались зубки, стали мне давать птичье мясо, но я и его не мог принимать, с плачем выплевывал.

Когда мне было три года, – рассказывали мои родители, – у меня, как у рахитика, ножки оставались скрюченными. В райцентре Шарлык в те годы жил осужденный за веру и высланный из Москвы профессор Александр Афанасьевич Барынин. Прежде он был личным врачом многих руководителей государства. Осмотрев мои ножки, он сказал, что эта болезнь «не физическая», и, пожалев меня, посоветовал обратиться к схимонахине Зосиме из Еннатского Покровского монастыря.

Положившись на милость Господню, мои родные — мама, бабушка Евдокия Васильевна и ее дочь Фекла, моя няня, решили взять меня к старице. Помолившись перед дорогой и дав обет в пути ничего не вкушать: «Когда возьмем у матушки благословение, тогда и будем кушать», — рано утром отправились в путь. И всего-то надо было проехать девятнадцать километров, так что можно было одним днем туда и обратно съездить. Дорога шла через небольшую гору, в народе она называется Прямица. Родные не удержались и на горе, нарушив свое обещание, наелись.

Приехали в Дему, легко нашли, где живет матушка Зосима. Когда мы подъехали, старица сама вышла нам на встречу из кельи и укоряюще произнесла:

– Я вас не приму! Бесстыдницы! Дали обещание — «Пока не возьмем благословение у матушки Зосимы, кушать не будем», — а сами на Прямице остановили жеребца и наелись. Я вас не приму!

Родные мои, заплакав, упали на колени, прося прощения. А матушка Зосима обратилась к моей маме:

– Молодушка, зайди ко мне с ребеночком.

Уже в келье у старицы мама спешно начала объяснять:

– Да вот, матушка, первый сыночек, несчастный совсем, я грудью его не кормила, у меня груди болят, ребенка кормить не могу...

– Как бы он пил твое молоко! Ты доишь коровку — корова буйная, брыкается, а ты черным словом ругаешься! Твой мальчик потому не сосал груди, что он будет монахом.

– Матушка, он и мяса не ест, выплевывает.

– Не будет монах мясо есть, разве монахи мясо едят? Он будет на Афоне, в высоком сани, и помрет на Афоне. Мясо он совсем есть не будет, как и последний твой сын, – ответила старица. – Подыми-ка его.

Мать подняла меня, а матушка Зосима зачерпнула водички из кипарисовой кадочки, что принесла из Иордана со святой Земли, и окропила мои скрюченные ножки этой водой. Встряхнула меня. И вот какое чудо! Они тут же выпрямились.

– Будет стоять! Будет стоять! Будет стоять! — трижды сказала она. Перекрестила мне макушку, поцеловала и добавила:

– Всех своих детей будешь грудью кормить. А нас у мамы было четырнадцать.

Всё же всех простила и благословила в дорогу. И что за радость была, что за веселие, когда весь обратный путь я ехал, стоя на своих исцеленных ножках!

Вот какая была матушка. Все, что она тогда предсказала, сбылось. Я — монах и мяса ни разу в жизни своей не вкушал, и мой младший брат, тринадцатый ребенок в семье, тоже никогда мяса в рот не брал.

И еще я хорошо помню, как матушка спасла моего отца от тюрьмы. В 1934 году мой отец был председателем сельсовета в Бараково. У него как председателя сельсовета были тарантас и прекрасный племенной жеребец, который стоил больших денег. Как-то в начале Петрова поста его вызвали на заседание в Шарлык. После заседания он с товарищами немного выпил и, возвращаясь из райцентра, не смог управлять лошадью. У развилки дорог на Бараково и Мустафино отпряг жеребца, дал ему сенца, привязал к тарантасу, а сам лег спать под тарантас. Проезжали мимо двое татар из Мустафино, отвязали жеребца и увели его.

Проснувшись и не увидев жеребца, отец сразу протрезвел и поспешил домой. Несколько дней всем селом искали по всем оврагам — нигде жеребца не было. Отец лежал на кровати и плакал. За потерю такого ценного жеребца ему грозила тюрьма, а дома оставалась беспомощная жена с семьей детьми. И вот моя бабушка по отцу решила идти к матушке.

До Сенцовки, где тогда жила матушка, было больше пятидесяти километров. Мне было одиннадцать лет, и я попросился, чтобы бабушка взяла меня с собою... Всю дорогу шли и плакали, молились, вброд перешли реку Салмыш и очень устали. Когда пришли в Сенцовку, увидели, как в церкви, приспособленной под колхозные цели, женщины веют веялками пшеницу. Спросили у них, где живет матушка Зосима, — нам показали, что надо идти через мост.

Матушка Зосима жила отдельно в маленькой келье во дворе одних благочестивых хозяев. Вся улица перед кельей матушки была запружена страждущими людьми. Вел к ней и больную скотину. На улице стояло много телег, в одной из них лежала бесноватая. И двор был полон народа.

Две монахини под руки вывели из келии матушку, она была в монашеской схиме. Роста она была небольшого, ей было сто четырнадцать лет, от старости веки ее не закрывались, но глаза смотрели на людей с необыкновенной любовью. Она медленно осенила людей крестным знаменем и благословила. Все поклонились. Люди молились, некоторые плакали. Матушка обратилась к нам:

— Дарья, подойди ко мне!

Моя бабушка Дарья, которая видела матушку Зосиму впервые, не поняла, что это ее зовут. Матушка повторила:

— Дарья с Мишуткой из Баракова.

Народ расступился, и мы с бабушкой подошли. Она стоит на крылечке кельи и так грозно говорит:

— Дарья! Дарья! Что ж твой сукин сын Костя сделал! Беда! Тюрьма ему грозит! — Мы с бабушкой плачем, а она продолжает:

— Ну да жив жеребец, его татары откармливают на мясо в Мустафино. Придешь домой, скажи Константину, чтобы шел в Мустафино поздно вечером и в седьмом доме со стороны Шарлыка, с краю села как зайдет, ищет жеребца, но не с

улицы, а со дворов, сзади, — берет жеребца и уводит.

Мы обрадовались. Заводит нас матушка Зосима в келью свою, внутри стол, на скамейке гроб стоит. Берет она перламутровый крест из Иерусалима и говорит мне: «Мишунька! Вот с этим крестом тебя будут постригать в монашество!» — и отдает мне этот крест.

Подарила мне на память также очень красивый ящичек панорам для просмотра — около двухсот живописных картин по Святому граду Иерусалиму.

Шли мы всю обратную дорогу, плакали от радости и молились. Придя домой, бабушка подробно рассказала отцу про разговор с матушкой Зосимой. Взял отец уздечку и часов в одиннадцать вечера пошел в Мустафино. И как только подошел к седьмому двору, жеребец заржал, узнав хозяина. Отец отвязал его тайно и поскакал обратно. Но хоть в тюрьму отца и не посадили, из председателей сняли и в партию не приняли. Стал он работать простым механизатором на комбайне. А я с данным матушкой крестом из Иерусалима по ее пророческим словам впоследствии, в 1946 году, принял монашество с именем Мисаил и свято

храню этот крест всю жизнь как Божие благословение».

Жительница села Шарлык Оренбургской области Валентина Николаевна Бобкова поделилась воспоминаниями ее мамы, Куликовой Екатерины Ивановны, проживавшей в с. Кармалка Шарлыкского района и умершей там же в 1999 году.

Мама рассказывала, что когда ей было лет 10, она сильно заболела, ее сорок дней и ночей «трепала» лихорадка. Обращались к знахаркам, возили в больницу, — улучшения не было. Кто-то подсказал моей бабушке, чтобы маму свозили в деревню Сенцовку к матушке Зосиме. Запрягли лошадь, положили маму в тарантас (от слабости она уже не могла ни ходить, ни сидеть) и поехали. Матушка встретила их на крыльце дома со словами: «Что же вы так долго не ехали, я давно вас поджидаю. Что же ты, Катя, так разболелась? Ну, идемте в дом, я вас полечу».

Маму на руках занесли в дом. Матушка стала читать молитвы над ее головой, дала попить святой воды. После этого маму стало трясти все реже и реже. Благословив их в дорогу, матушка сказала: «Сейчас она уснет, пусть спит столько, сколько проспит, не будите, все пройдет». Когда они отъехали от дома Зосимы, мама спросила

бабушку, откуда матушка узнала ее имя. Бабушка сама была удивлена: «Мы ей ничего не говорили». Дорогой мама уснула, ее занесли в дом, и она проспала более полутора суток. Проснувшись, попросила поесть. С этого и началось ее выздоровление, болезнь отступила.

Другой случай тоже произошел в нашем селе. У Пашковой Софьи Ивановны, заболела дочь Евгения, ей было 2 — 3 годика. Она плакала дни и ночи. В больнице ничего не обнаружили. Добрые люди подсказали не мучить ребенка, а свозить девочку к матушке в Сенцовку. Как и в предыдущем случае, доехали до Сенцовки с большим трудом, лошадь упиралась, никак не хотела идти. Но слава Богу, добрались. Когда матушка читала молитвы над девочкой, она стала потихоньку успокаиваться и замолчала. После лечения матушка напомнила тете Соне случай: «Помнишь, это было на Пасху, ты дала дочке красное яичко, а она не удержала его и уронила. А ты подняла яичко, обтерла об фартук и отругала ее, а потом снова дала ей в руки это яичко». Тетя Соня вспомнила этот случай. А матушка наставила ее: «Вот какую силу имеет материнское слово! Никогда нельзя говорить плохие слова ни на детей, ни на других людей».

Незадолго до кончины старица объявила своим близким:

– Когда родилась, тогда и умру. Вы смерти моей не увидите. Через три дня после похорон придут чекисты, могилку мою раскопают, в гробу будут что-то искать. Ничего не найдут. Меня перевернут лицом вниз, а вас всех арестуют, кроме одного человека. Вы не скорбите. Коли будет так, значит, я у Бога достойная, а если нет, плачьте обо мне, погибла я...

Именно так все и вышло. Умерла схимонахиня в ночь 01 марта 1935 года в свой 115-й день рождения, так что смерти ее никто не видел. Ее похоронили на кладбище села Сенцовка Шарлыкского района (ныне Октябрьского района) Оренбургской области. Вскоре по чьей-то зависти было заявлено в ГПУ, что с матушкой в могилу положили много золота. После похорон чекисты из Шарлыка раскопали могилу, открыли гроб, развили ее мантию. Конечно, ничего не нашли... Всех ее духовных чад вскоре арестовали, кроме одного человека...

Святая старица советовала людям, чтобы они приходили к ней, когда им будет плохо. И люди сразу потянулись к ее могиле. Несли свое горе, просили благословения, спешили сюда со своими духовными и телесными недугами. Привезенный

матушкой из Иерусалима огромный кипарисовый крест разобрали на щепочки. Паломники постоянно уносили с собой землю с могилы, так что постоянно приходилось ее подсыпать. По ее небесным молитвам люди получали и получают исцеление и помощь.

Сейчас на ее могиле стоит крест с надписью благодарения от святогорца схиархимандрита Серафима Томина за исцеление его во младенчестве и предсказание ему будущего монашества.

Святые мощи преподобной старицы обретенны в 14 декабря 2003 года и перевезены в Казанско-Богородский храм г. Мелеуза Уфимской епархии, затем в Иоанно-Предтеченском храме г. Кумертау.

Была обретена только часть ее мощей — череп и ряд костей. Это связано и с тем, что открытие проходило в зимнее время, и с тем, что к ее могиле было подхоронено еще пять человек (к ней положено трое младенцев, ее свояк, неизвестный человек, прямо над гробом матушки стоял еще гроб ее духовной дочери монахини Маргариты), и, видимо, главное, с ее собственным пророчеством. Так местные жители говорили, что она при жизни им обещала: «Навсегда останусь с вами, никогда от

вас не уйду!». Определить мощи, принадлежащие 115-летней старице, помог присутствовавший при обретении иеромонах Лука Выштыкалюк, врач по образованию.

Ныне святые мощи находятся в Покрово-Еннатском мужском монастыре рядом с селом Дедово Федоровского района Башкирии, откуда и начинался ее иноческий путь

Рака с мощами святой преподобной Зосимы Еннатской

11 июня 2006 года в праздник Святой Троицы в Марфо-Мариинском женском монастыре села Ира Кумертауского района Уфимской епархии Архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Никон совершил чин канонизации в лике местночтимых святых преподобной Зосимы Еннатской.

На торжества по случаю канонизации преподобной Зосимы Еннатской и открытию Марфо-Мариинского женского монастыря прибыли многочисленные паломники не только Уфимской епархии, но и Оренбургской, Казанской, Челябинской, Самарской, Уральской (Казахстан), Пермской и Екатеринбургской епархий.

Архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Никон зачитал Указ Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II о прославлении в лике местночтимых святых Уфимской епархии преподобной Зосимы Еннатской. «Прославляя исповеднический подвиг новых молитвенных заступников, Русская Православная Церковь прославляет не только их подвижническую жизнь, но и блаженную кончину, — отмечалось в Указе. — Таковой была и прославляемая ныне святая преподобная Зосима Еннатская, которая от юности своей вела подвижническую жизнь во имя Христово, свою веру во Христа засвидетельствовав подвигами, молитвами, исповедничеством, оставшись со своими верными чадами, дабы принять Богом уготованный венец и явить образ праведницы, чудотворицы и при жизни еще сподобившейся дара прозорливости. Отныне Святая Церковь будет чтить память новопрославленной святой в ее день рождения и день кончины — 1/14 марта».

Завершилась Божественная Литургия Крестным ходом. Святые мощи преподобной Зосимы Еннатской были изнесены из храма, обнесены вокруг церкви и выставлены для поклонения народу. Архиепископ Никон обратился к

паломникам с проповедью, затем, преподав благословение и сердечно возблагодарив всех за совместную молитву, и также ответил на вопросы корреспондентов.